

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ «СКОРБЕЙ» НАРОДА БОЖЬЕГО

Аннотация. Библейский мотив о скорби в жизни христианина и церкви нуждается в уточнении и глубоком осмыслении. Страданиям, испытаниям и скорбям, особенно связанным со служением Богу, отведена важная воспитательные и миссиональные функции. Это важно еще и потому, что существует доктринальная позиция, предполагающая, что церковь избежит особого периода «великой скорби» на завершающем эсхатологическом этапе истории. В статье приведены краткие экзегетические (по Евангелиям и Апокалипсису), практические и философские наблюдения и анализ, отрицающие наличие в Новом Завете идеи избавления от «великой скорби» и предполагаемую пользу от нее. В статье предложен пролептический (или, иначе, типологический) подход, утверждающий, что повторяющиеся скорби формируют церковь и христианина в не меньше степени, чем последние испытания веры мучеников, примеров веры. Миссия Христа и Апостолов, полная скорбей, будет повторяться в жизни верных христиан.

Ключевые слова: скорби, «великая скорбь», функция скорби, духовное формирование; пролепис; эсхатология, диспенсационализм, миссия, спасение.

Abstract. The biblical motif of tribulation or affliction in the life of the church and of individual believers is in need of clarification and a deeper reflection. Sufferings and trials, especially those that accompany the service of God, are given important pedagogical and mission-related functions. This is also important in view of the existence of a doctrinal position that supposes that the church will escape the so-called period of the “great tribulation” that will take place at the eschatological end of history. The article offers some brief exegetical, philosophical and practical observations and analysis that question the escape-from-the-tribulation idea and its supposed promise of hope. The article proposes a proleptic (or typological) approach that affirms that the reiteration of tribulations in Scripture is called to instruct and shape the believer in a similar manner that will do the final eschatological trials. The mission of Jesus, of the Apostles and the martyrs are presented in the New Testament as a mode of the experience for any faithful believer.

Keywords: tribulations, the Great Tribulation, the function of suffering, spiritual formation; prolepsis; Dispensationalism, eschatology, mission, salvation.

Владимир Лебедев, (BA, VTh, соискатель PhD), служение в миссии Leadership Resources Intl, пастор, преподаватель богословских дисциплин, женат, трое детей (Чикаго, США).

*Благ Господь, убежище в день скорби, и знает надеющихся на Него
(Наум 1:7).*

*Блаженны те, кто устоит в грядущей великой скорби, и блаженны, кто не
отречется от своей жизни (Пастырь Ерма, Видение 2.2)*

... Я не думаю, что церковь должна быть «чистой», чтобы быть церковью. ...

Часто желание сделать церковь «чистой» может быть принудительным.

Не существует способов полностью уберечь церковь от влияния мира.

*Если церковь будет искать такого места в мире, то она рискует превратиться в
подложный христианский институт. Я не всегда уверен, как мне применить на
практике идеи «чистоты», но я молюсь о том, чтобы церковь была верной!*

*И это сделает жизнь христианина более трудной, но также и более интересной
(С. Хауервас).^[1]*

*Сын Божий страдал вплоть до смерти не для того, чтобы мы не страдали,
но чтобы наши страдания были схожи с Его (Дж. Макдональд).^[2]*

Введение

◆ За два дня до неожиданной смерти одного молодого человека я разговаривал с его отцом, христианином и служителем, о трудностях взращивания детей в вере. И вот пришла трагичная новость. Я страшно переживал, учитывая контекст нашей беседы. Но каково было отцу и матери! Их постигла тяжкая скорбь. Также недавно в разговоре с верующей женщиной о том, может и хочет ли Бог исцелить *всех*, за чье выздоровление мы молимся, мне пришлось побудить ее осмыслить то, что, вероятно, у Бога нет именно таких целей, и то, что Его главная цель — *взаимоотношения* с человеком. А это часто бывает именно в условиях скорби и страданий.^[3]

Скорбь — слово патетическое, нечасто употребляемое в обиходе, за исключением горестных, траурных или катастрофических обстоятельств. Читатели Библии отмечают, что скорбь или бедствие посещает людей, как праведников (Бытие 35:3; Псалом 119:1; Ис. 33:2 [«время тесное»]), так и грешных (Бытие 42:21 [«горе»]; Притчи 1:27; 11:8; Рим. 2:9). Понятие «скорбь», в библейских еврейских и греческих текстах, часто граничит с понятиями «смерть», «притеснение», «зло», с природными несчастьями, и др. (напр., Псалом 9:10, 22; Римлянам 8:35). Иногда кажется, что Бог игнорирует наши скорбные страдания (Псалом 43:25), а иногда — что Он насылает или сознательно допускает их на нас, оставляя все же при этом надежду на выход из них (Псалом 65:11; 71:20). Забегая вперед, скажем, что скорбь может и должна быть поучительным библейским посылом и опытом жизни для каждого человека и тем более для народа Божьего.

Я услышал, и вострепетала внутренность моя; при вести о сем задрожали губы мои, боль проникла в кости мои, и колеблется место подо мною;

^[1] Stanley Hauerwas, *Approaching the End: Eschatological Reflections on Church, Politics, and Life* (Grand Rapids: Eerdmans, 2013), xvii.

^[2] С. S. Lewish, *The Problem of Pain* (HarperCollins e-books, n. d.), эпиграф из проповеди Дж. Макдональда.

^[3] Книга К. Льюиса, *Боль* — одно из лучших размышлений на эту тему (см. англ. издание, ссылка 2); она свободно доступна на русском языке в интернете.

а я должен быть спокоен в день бедствия, когда придет на народ мой грабитель его (Аввакум 3:16). В бедствии (скорби) ты призвал Меня ... Я избавил тебя ... услышал тебя ... испытал тебя (Псалом 80:8).

У понятия «скорбь» есть функция, которую нужно отметить и оценить, и немалая роль, которую это понятие играет в человеческом сознании и социальных нарративах, вероятно, всех обществ. Оно несет в себе поучительную функцию и участвует в формировании мировоззрения христианина. Пасторам (практикам) и богословам (академикам) стоит лучше владеть этой концепцией, чем это часто бывает.

Когда люди, безотносительно их вероисповедания (или даже сам Бог [Бытие 6:6]), «скорбят», они, разумеется, *эмоционально* переживают. Но эмоциями значение слова не ограничивается. Такая душевная тревога всегда бывает *в ответ* на недоброе событие. От скорби можно отличить, например, печаль, отчаяние, муку, которые могут быть *не* связанными с объективными обстоятельствами, событиями.^[4] Касательно христиан, известно, что в разговорах об эсхатологии, они нередко ссылаются на особый *период* интенсивных массовых страданий, называя его «великой скорбью». Считается между многими, что «великая скорбь» возымает место во второй половине «семилетнего периода» («седьмины»). Этот период представляется одним из кульминационных моментов в борьбе между Богом и дьяволом (наряду с Армагеддонской битвой). Он произойдет на том или ином этапе перед явлением Христа для обновления мира в Его царствие (чем для многих является «тысячелетнее Царство»).

Многие верующие, как и проповедники, даже не догадываются, что их понимание относится к доктринальным системам под чудными иностранными названиями «пре-трибуляционизм» и «пост-трибуляционизм».^[5] В большей степени мы коснемся по необходимости первой системы, так как она, волею судеб, в большей степени укоренилась в славянских евангельских кругах. Без дополнительных введений и дискуссий, скажем, что «пре-трибуляционизм» (от англ. слова tribulation, скорбь, несчастье) означает то верование, что церковь будет избавлена от прохождения через период «скорби» длиной в семь лет, что она будет «восхищена» на небеса при тайном явлении Христа, и что она будет с Ним в небесах в счастливой безопасности в течение той самой «скорби».

^[4] К. Льюис подобным образом дифференцирует смыслы слова «боль», что помогает понять предмет разговора (*The Problem of Pain*, 87–88).

^[5] Эти обозначения относятся к спорам о предполагаемом взятии церкви с земли на небеса к Христу, либо до (опять же, предполагаемой) семилетней «великой скорби», либо после нее. Желаящие ознакомиться могут обратиться к таким учебникам как И. Лангхаммер, *Что будет с этим миром?* (Евангельская миссия, 1997); Флойд Х. Баракман, *Практическая христианская теология* (Духовное возрождение, 2002) гл. 13; У. Грудем, *Систематическое богословие* (СПб.: Мирт, 2004), гл. 53–56; М. Эрикссон, *Христианское богословие* (СПб.: Библия для всех, 2009), гл. 57. Полезная информация доступна в интернете (например, В. С. Немцов, «Второе пришествие Христа», пункты 5.1.5–6), но в этом случае для неискушенных может потребоваться консультация сведущих христиан.

Но данное эссе посвящено не оспариванию или опровержению эсхатологических систем, а отношению верующих к библейскому понятию «скорбь», и углубленному и душеполезному взгляду на него. Для многих из нас библейская тема «скорби», рассматриваемая узко, в рамках определенных предубеждений – это страшное *обстоятельство*, которое мы были бы более, чем рады *избежать*. Такое отношение, которое воспитывается в нас многими мнениями, книгами и проповедями, называется *эскапизмом*,^[6] неодолимым, а порой и паническим, стремлением уклониться от участия в эсхатологических бедствиях. Христианам же стоит усвоить «скорбь» как библейскую *доктрину*, как *способ* укрепления *отношений* с Богом и как педагогическое *средство* для духовного *роста* учеников Христа.^[7]

Тезис

◆ В качестве тезиса предложу следующее: важность библейской идеи «скорби» в том, что она указывает на участие Бога в жизни человечества на повторяющейся основе *[а]* ради нашего воспитания, упрочения взаимоотношений с ним и, в конечном счете, спасения (в узких смыслах слова, в отношении личности или групп верующих), *[б]* с целью суда над противниками Бога и гонителями Его народа и *[в]* движения к обновлению мира (вселенское спасение). Подчеркну, что эта идея «скорби» важна и поучительна безотносительно конкретных исторических событий и особенно (!) тех, которые лишь предположительно являются историческими в буквальной подаче одной или нескольких эсхатологических схем.

Данное эссе негативно оценивает допущение и культивирование неприятия и страха перед «скорбями» вообще и перед «великой скорбью» (в предполагаемом семилетнем периоде перед Тысячелетним Царством) в частности, а также наивное питание надежд на вероятность избегания «скорбей» или каких-либо иных проблем. Даже если предположить, что толкование Библии, которое обосновывает, например, диспенсационалистский сценарий (о «семилетней скорби»), окажется правдивым, это вовсе не значит, что отдельных христиан и народ Божий не постигнут другие, не менее тяжкие, страдания. Наше отношение должно быть зрелым и мудрым в условиях «скорби» в любой период – войны, пандемии COVID-19, агрессивной либерализации или тотального контроля над обществом, или того, что случится в связи с Пришествием Христа-Царя и перед ним.

То, что Бог путешествует с нами по жизни, не только не покидая нас из-за наших грехов и ошибок, но и участвуя в нашем скорбном жизненном опыте, – тема по-своему важная и лишь неглубоко понимаемая христианами. Она не может быть рассмотрена в рамках данного эссе, но напомним

^[6] Это заимствованное слово от англ. *escape*, избегание, отчуждение, отрицание той или иной реальности.

^[7] Подобные размышления о проблеме боли или страданий, см. Льюис, *Боль*, гл. 6 (или *The Problem of Pain*, 105-106).

нить об исповедании патриарха Иакова в один из моментов его приближения к Богу (Быт. 35:1-3) здесь все же стоит:

Бог сказал Иакову: встань, пойдя в Вефиль и живи там, и устрой там жертвенник Богу, явившемуся тебе, когда ты бежал от лица Исава, брата твоего. ... И сказал Иаков дому своему и всем бывшим с ним: бросьте богов чужих, находящихся у вас, и очиститесь, и перемените одежды ваши; встанем и пойдем в Вефиль; там устрою я жертвенник Богу, Который *услышал меня в день бедствия моего и был со мною в пути, которым я ходил.*

Герменевтические заметки в отношении темы «скорби»

◆ Кажется, что не должно быть конца напоминаниям не только учителям в поместных церквях, но и академикам о том, что первоначальный контекст неизмеримо важен для адекватного прочтения библейских текстов и, соответственно, для формирования веры и практики в наши дни. Античные мировоззрения, способы и структуры мышления, понятийные аппараты и миры символов, в т. ч. в философии и богословии, разительно отличались по многим пунктам от поздних веков, и, в частности, от модернизма. К счастью (хотя и далеко не без опасений), продвинутое изучение в наши дни иудаизма и греко-римского мира — контекста, в котором писался Новый Завет, — вносит немало коррекций в схоластические, модернистские, современно-полемические, историко-богословские и многие другие недостаточно широкие подходы. Мы теперь можем избежать навязывания библейским текстам смыслов, которые возникли в других, более поздних, контекстах.

То же относится и к трудам мыслителей ранней церкви, которые говорили о «скорбях» и «великих скорбях» как о повторяющихся обстоятельствах, в которых верующим их времени нужно выстоять своей верой (Ерма 2.2, 3.2, 4.2-3; Тертуллиан, Скорпиос 12; Ипполит, «О Христе и антихристе» 59-62). Патристическая эсхатология, как и многие другие доктрины, не отличались единством мысли, и со многими их идеями мы не должны соглашаться^[8]. Но для нас сейчас важно то, что (предположительно) пророческих (или лучше, футурологических, схем^[9]) во всяком случае касательно особой семилетней «великой скорби», на то время не существовало.^[10]

^[8] Art Marmorstein, “Eschatological Inconsistency in the Ante-Nicene Fathers?” *AUSS* 39 (2001): 126-127.

^[9] Футурология, в нашем обсуждении — это проецирование библейских материалов на порядок событий в будущем, попытки создать и представить их ход. Типичным примером является книга Лангхаммера, *Что будет с этим миром?*

^[10] Хронологические схемы с эсхатологическими элементами были предложены Юлием Африканом, но они были посвящены 1000-летнему царству и восстановлению, без указания особого места в его преддверии какой-либо «великой скорби». Marmorstein, “Eschatological Inconsistency,” 127; D. Fairbairn, “Contemporary Millennial/Tribulational Debates” in *A Case for Historic Premillennialism*, ed. by Graig L. Blomberg and Sung Wook Chung (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2009); см. также заметки по эсхатологии богословов ранних веков церкви у Ф. Янг, *От Никуеи до Халкидона. Введение в греческую патристическую литературу и ее исторический контекст* (М.: ПСТГУ, 2013), 22, 297, 420-21.

У кого-то из читателей может возникнуть вопрос: с какой эсхатологической позиции ведет свои рассуждения автор статьи? Скажем, диспенсационалист по умолчанию видит во фразе «великая скорбь» (лишь единожды использованной в Новом Завете в каком-то отношении к эсхатологии)^[11] ссылку на ту самую семилетний период «скорби» в конце времен, так или иначе связанную с Пришествием Христа. Она еще не наступила с нашей исторической перспективы и церковь (в понимании большинства диспенсационалистов) не должна попасть в этот период.^[12] Лично я не придерживаюсь той системы оценок, что «истинное» или «евангельское» толкование Библии зависит от приверженности той или иной эсхатологической системы. Христианам (во всяком случае, неспециалистам) важно согласиться вокруг того, что нас объединяет. Мы ждем славного явления Господа Иисуса Христа, справедливых судов, воскресения мертвых, Его Царства и обновления Его творения.^[13] А предшествовать этапу завершению «нынешнего века» будут множество страданий, к которым мы должны научиться относиться без фанатизма (мол, как же так — без внимания на семилетнюю великую скорбь [!]), страха и эскапизма. Напротив, переживая скорби в любое назначенное для нас время, мы должны делать это с достоинством (Рим. 5:3; 1 Фес. 3:3; 2 Фес. 1:4; 1 Пет. 3:14; 4:12-19). Не у всех получится одинаково. Но помоги нам, Господи, чтобы в нужный момент о нас могли сказать: «Здесь терпение и вера святых!» (Откр. 13:10).

Для лучшего понимания предложу назвать акцент на буквально воспринимаемую семилетнюю «великую скорбь» «кульминационным», а акцент на повторяющиеся страдания, притеснения и испытания — пролептическим (предвосхищающим) или типологическим.^[14] Кульминационный фокус мало полезен с практической и духовной точек зрения, и лишь тревожит души христиан, гадающих о датах, признаках и угрозах. Пролептический же фокус внимания полезен тем, что он помогает выработать зрелое отношение и должную готовность к скорби, когда бы и кого бы она не постигла.

^[11] Желаящий ознакомиться с толкованием Библии и эсхатологией диспенсационализма может обратиться к таким источникам на русском языке, как Ч. Райри, *Основы богословия* (Одесса: Христианское просвещение, 2008) и М. Эрикссон, *Христианское богословие*, гл. 55, раздел «Диспенсационализм». — СПб.: Библия для всех, 2009.

^[12] См. Лангхаммер, 24, 41-42, 44-46; Баракман.

^[13] Страдания праведников в иудаизме I века и периода Второго Храма воспринимались как «родовые схватки», приводящие к жизни народа и даже к «рождению» нового (мессианского) века. Эта идея во многом была перенята авторами Нового Завета для объяснения смысла страдания. См. В. J. Pitre, "Apocalypticism and Apocalyptic Teaching," in *Dictionary of Jesus and the Gospels*, ed. by Joel B. Green, et al (Downers Grove, IL: IVP, 2013), 29-30; Bauckham, "Colossians 1:24," 169. См. также, Откр. 12:1-6; Тертуллиан, *Против Маркиона* 4.39.

^[14] Слово «пролептический» (от греч. *пролеписис*) указывает, часто в пророческом дискурсе, на предвосхищение будущего в повторяющихся событиях. Типология, в простом изложении, так же обозначает характеристики повторяющихся событий. И то и другое может указывать на некие главные события из рассматриваемого ряда. Это впрочем не значит, что событие переживаемое в определенный момент, имеет меньшую важность, чем главное или «кульминационное» событие.

Заметки о «скорби» у Марка и Матфея

♦ Как с диахронической, так и с синхронической лексической перспективы следует отметить, что «скорбь» (θλίψις) можно воспринимать как (а) самостоятельную смысловую единицу, так и (б) во взаимосвязи с другими лексемами (словарными словами). Во втором случае словом «скорбь» в Библии переводятся другие еврейские и греческие слова, к более подходящим значениям которых могут относиться «боль, печаль, горе, муки, тоска, несчастье, страдание» (см. напр., Исход 3:7). Семантический анализ — дело сложное ввиду феномена порой непредсказуемого взаимопроникновения значений слов или их взаимозаменяемости.^[15] И все же предложу, что значения из группы (б) указывают прежде всего на *физический, психологический* опыт индивидуума или народа. Нам же в данной статье интереснее именно слово «скорбь» (*θλιψις* [θλίψις]), употребленное в различных контекстах, чей акцент в первую очередь на *событие*, а уж потом на реакцию на него.

В Ев. от Марка 4:17 и Матфея 13:21, в контексте притчи о сеятеле и семенах, «скорбь» (*θλιψις*) стоит рядом с «гонениями»: «...когда настанет скорбь или гонение за слово...». Виды почвы символизируют слушателей, принятие слова-семена которыми проверяется в неблагоприятных обстоятельствах. Несмотря на соседство в тексте, эти два слова вероятно не указывают на одно и то же обстоятельство. Видимо, «скорбь» здесь — не столь определенное понятие, как более конкретная трудность, названная «преследованием по причине приверженности слову».^[16] Здесь гонение является скорбью, но, вероятно, не всякая скорбь является гонением. Тем не менее, функция «скорби», в каком бы виде она не постигла слушателя, похожа на функцию гонений. И то и другое сравнивается с одним губительным (в данном случае) для растений фактором — солнцем (13:6). Напрашивается первый вывод: верность или послушание слушателя Божьего слова (Мтф. 13:9; Марк 4:23) может тестироваться широким спектром стрессовых ситуаций, включая гонение.

Ев. От Марка 13 и Матфея 24 содержат указания на вероятность гонений на учеников за имя Христа, которые закончатся «мучением» или «пытками» (а именно, *θλιψις*, «скорбью») или даже убийством (Мтф. 24:9). В обоих контекстах речь идет о разнообразии повсеместных бедственных событиях и социальных катастроф (Мтф. 24:6-8, 21; Марк 13:7, 19), и в рамках такого состояния мира произойдут также и гонения на последователей Христа. Подчеркну: среди мировых трагедий возымеют место трагедии в жизни уверовавших в Христа (ср. Марка 13:19 и Мтф. 24:9).

Для должного понимания акцента на «скорби» в отношении учеников (по Матфею), необходимо понять контекст обоих евангелистов. Во-

[15] Семантика — наука о значениях и смыслах слов.

[16] «Слово», в синоптических евангелиях, часто означает особый и действенный посыл, обращение (см. Мтф. 5:37; 8:8; 12:32), в том числе и слово от Бога (4:4).

первых, разговор идет между иудеями (или израильянами). Несмотря на склонность многих христиан перекладывать дискурс с еврейской плоскости на христианскую и церковно-историческую, мы должны признать, что первостепенный посыл текста является определяющим по сравнению с какими-бы то ни было экстраполяций значений и пророческих толкований в других контекстах. Бог, в Евангелиях, прежде всего собирается испытать свой избранный народ и описание катастроф относится к тому, через что в (относительно) скором будущем предстояло пройти именно Израилю. И лишь после этого читатель-христианин может извлекать уроки для себя и церкви с типологической перспективы.

Во-вторых, Иисус дал мрачную картину мира в ответ на то, что ученики восхитились храмом (Марк 13:1; Мтф. 24:1). Ученики-евреи почитали храм как святыню своего народа и надеялись, что Иисус вскоре воссядет на престоле Израиля по воле Божьей, который пребывает в храме, а значит и с народом Божьим. Кроме того, ученики рассчитывали на прекрасную участь быть приближенными царя Иисуса и разделить с ним славу (см. напр., Марк 10:37; Мтф. 18:1; 19:27; 20:21).

Однако, вместо этого благостного сценария Иисус разрушил их суеверную надежду на храм и обрисовал совсем неприглядное будущее. Он предупредил учеников о том, что перед ними будут стоять другие задачи (в частности, проповедь евангелия: Мтф. 24:14; Марк 13:10-11), которые придется совершать в условиях «скорби». Славе и спасению предшествует страдания и испытания. Как Марк, так и Матфей называют «скорбью» масштабные несчастья в мире (Марк 13:19, 24; Матф. 24:21, 29). Учеников же ждет персональная «скорбь» (Мтф. 24:9) на фоне общих бедствий (см также Марк. 13:8; Мтф. 24:8). Марк не употребляет слово «скорбь» в 13:9 и 11 (ср. Мтф. 24:9), но говорит о физическом насилии над учениками. И здесь мы видим пример тестирования «почвы» из притчи в Мтф. 13, т.е. качества учеников как тех, кто слушает слова Христа. Они обуреваем эгоистичными планами (ср. 13:7, 22) и испытуют на себе скорбь (Мтф. 13:21 и 24:9).

Теперь перейдем к фразе «великая скорбь» (*тлинсис мегале* [θλίψις μεγάλη], Мтф. 24:21), которая касается не только учеников (ст. 22б), но и всего Израиля и других народов (ст. 7, 16, 21). Фраза употребляется в Новом Завете лишь дважды.¹⁷⁷ (Вероятно, ее ветхозаветным предшественником является такие упоминания, как Втор. 31:17: «многие бедствия и скорби».)¹⁷⁸ Прилагательное с корнем *мега-* означает интенсивность или размеры, масштабы. Ясно, что учеников и Израиль – каждого в свое время и в своей мере – по словам Иисуса, ожидает не насмешка

¹⁷⁷ Синодальный перевод Луки 2:48 содержит сочетание «великая скорбь», но греческий текст здесь другой, а именно лишь одно слово, *одунао* (ὀδύναω); перевести текст лучше так: «...мы со страшным переживанием искали тебя»; или, «...исстрадались» (РБО).

¹⁷⁸ Евр. раот работ вцарот (תּוֹרָצוֹ תוֹבֵר תוֹרָצוֹ), греч. кака полла каи елипсесы (κακά πολλὰ καὶ θλίψεις), см. также 1 Мак. 1:11.

и не локальная военная стычка, события намного более болезненные. Не забудем, что ученикам («избранным», ст. 24; ср. Дан. 21:1) предстоит страдать вместе со страдающим миром. Замечание, что такой скорби «не было от начала мира», для евреев имело специфическое значение. Под «миром» они понимали «свой мир», который создал Бог, в котором Бог избрал свой народ и действовал ради него, мир с еврейским летоисчислением. А степень тягости «скорби» виделась таковой, т. е. «великой», вероятно ввиду сокрушительного упадка Израиля и его религии.

Второй раз «великая скорбь» употребляется в Деяниях Апостолов 7:11, где описывается голод и соответствующие нужды общества. Разумеется, это место Писания не имеет отношения к эсхатологическим событиям, но «скорбь» была «великой» в восприятии персонажей истории. Это вновь напоминает нам, что в пролептической перспективе все скорби значимы, каждая по-своему.

Ранее нами были подмечены различия между Марком и Матфеем. Последний назвал арест («предавать») и его последствия «скорбью» (Мтф. 24:8). Матфей наверняка имел в виду то, что Марк обозначил ясно: псевдо-судебные разбирательства перед религиозными и светскими властями (Марк 13:9). Это еще один случай страданий, который лишь пролептически связан с любыми из грядущих подобных скорбей, включая «великую скорбь». В этом случае «скорбь» уже пришла в жизнь и опыт ученичества христианина или группы христиан, и будущая «скорбь», в его кульминационном понимании, попросту теряет для таких верующих свою актуальность. Примером такой скорби может быть сам Апостол Павел, который в Кол 1:24 (тексте, непросто для перевода и понимания) сказал о себе, что он своим опытом страданий дополняет то, что еще может быть дополнено к страданиям Христа, который уже прошел свой путь. Скорбь Павла была реальной, как и для многих верующих в его дни (1 Фес. 1:6). И он обращал лишь необходимое внимание на грядущие трудности для веры в будущем (см. 1 Фес. 5:2-12; 2 Фес. 2:9-10), но *не ради самой скорби*, которая не будет отличаться от того, что переживают Павел и верующие, а с целью утешить искренне заблуждающихся верующих в отношении тех, кто умер до явления Христа (1 Фес. 4:13-18), и наставить их жить достойно в текущих обстоятельствах (2:12; 5:6-8, 10). Также и в Рим. 8:35 и 38-39, Павел перечисляет множество врагов христиан и речь там идет о собирательном описании испытаний (включая «скорбь»), постигающих христиан в его время.

Заметки о «скорби» в книге Откровение

◆ «Сии облеченные в белые одежды — кто они, и откуда пришли? ... Это те, которые пришли от великой скорби» (7:13-14). Предлагаю подходить к толкованию этого текста не столько исходя из совпадения терминологии (хотя и это важно), сколько на основании контекста и собственно сообщения автора. Откровение написано для утверждения верующих перед лицом страданий за их веру по примеру мучеников!

Когда бы мы ни встретились с гонениями, наставление Апокалипсиса становится для нас актуальным здесь и сейчас. Наши рассуждения о будущих «великой скорби», или, лучше, о временах тяжких страданий всего мира, включая верующих, должны быть лишь указанием на последующую победу Христа и спасение мира! См. 7:10

Прежде уточнения понятия «великая скорбь» в этом тексте, нам следует прояснить для самих то, что было само собой разумеющимся для первых читателей Апокалипсиса: на кого же именно указывают местоимения «сии и «те» из ст. 13 и 14? Для тех читателей в наши дни, кто считает, что речь идет о церкви, следует уточнить, что участники этой сцены (да и многих других) — это именно мученики за Христа, одни из главных героев книги, победители в схватке с гонителями (1:9; 6:11). Иоанн говорит не столько о церкви вообще, а о прославленных мучениках, пример которых должен придать сил и вдохновить тех верующих, которым еще предстоит пройти страдания. Я вовсе не стану спорить с тем, что «церковь» так или иначе, в том или ином смысле, подразумевается в этой и других сценах Апокалипсиса. Однако, заметим, что описание запечатленных в 7:3-4 символизирует народ Божий символически (144 тыс.), включая такие типологические примеры как двенадцать колен Израиля, избранных на Божью миссию (*Missio Deo*) и двенадцать учеников Христа, избранных на Христову миссию (Мтф. 28:18-20; Ин. 14:12; 20:21). И мы помним, что не весь Израиль служил Богу и страдал за верность Богу. Также и церковь, как видимое сообщество причисляющих себя к христианству — далеко не вся она служит Христу и переносит скорби за его дело. Текст 7:3 также называет «сией» и «тех» «рабами Бога»! И это немаловажно. Именно мученики, подобно рабам Бога в Ветхом завете (Авель, Ной, Авраам, Моисей, и т. п.), а также в первую очередь сам Иисус Христос плюс Павел, Петр и другие страдальцы (см. в добавок 2 Тим. 1:8; Откр. 2:10, 13; 6:9; 11:7; 12:11), вдохновляют всех читателей Апокалипсиса на подобный подвиг в то время, в котором нам выпало служить. Так, например, и Тертуллиан (ум. ок. 220 г. по Р. Х.) писал о периодах гонений для христиан и о том, цитируя Откр. 7:14, что мученикам его времени предназначено Богом быть триумфаторами («Скорпиак» 1, 12).

Вновь уточню, что я не стремлюсь в этой статье построить толковательную систему или строгий богословский аргумент (или вступить в спор с таковыми). Моя цель — сосредоточить внимание на практической и поучительной пользе Священного Писания для верующих всех времен, основанной на пролептическом (или типологическом) прочтении его текстов о страданиях за веру.

Теперь, что касается самой фразы, «от великой скорби» (*ἐκ τῆς μεγάλης* [ἐκ τῆς θλίψεως τῆς μεγάλης]). Некоторые комментаторы считают, что эта фраза в греческом тексте уникальна тем, что перед каждым словом сиз слов стоят артикли (ср. *τῆς μεγάλης* [θλίψεως μεγάλης] в Мтф. 24:21). Для них это значит, что этот период страданий будет единственным в своем роде.

Этому мнению (основанному не столько на тексте, сколько на доктринальной системе) можно возразить. Во-первых, артикли перед каждым словом не указывают на единственность (предмета или события) в своем роде. Артикль может указывать как на отдельный (и не всегда единственный или особый) обсуждаемый объект, так и на *категорию* объектов; частность или неповторимость объекта внимания определяется не наличием артикля, а контекстом. Вероятно, что для автора Апокалипсиса важнее последнее («скорбь» как *категория* событий), так как он превозносит победителей в схватке с гонителями, а не само событие. Всем должно быть ясно, что победитель в любой такой битве — будь то Павел, Петр, Антипа (Откр. 2:13), Иустин или Поликарп в первых веках церкви, страстотерпцы Борис и Глеб, Джон Уиклифф и Ян Гус в средневековье, православные и евангельские страдальцы в странах советского строя, или те, кому предстоит претерпеть муки и смерть незадолго до явления (парусии) Христа — будут вознаграждены Христом безотносительно времени их страданий. Так же и пример веры мучеников эффективен независимо от времени их собственного подвига. Во-вторых, предлог греческий предлог *эк*, «от», в нашем тексте не означает избежание участия в скорби, как это понимается многими. Скорее он указывает именно на участие в скорби и выход из нее в роли победителя. Это предлог лучше переводить как «из»: мученики вышли *из* великой скорби, претерпев ее.

В-третьих, контекст не обрамляет эту фразу описаниями, указывающими на неповторимость этого периода скорбей. Нет здесь, например, семилетней продолжительности «скорби» (если, конечно, не читать Апокалипсис с приверженностью к диспенсационализму). Что же касается превосходных форм описания, то это присущий элемент апокалиптического жанра вообще (Дан. 12:1; Наум 4-6; Соф. 1:14-15; 1 Енох 55-56; 3. Моисея 8:1; 2 Вар. 27:1, 15; Марк 13; Дидахе 16:5). Читатель должен быть под впечатлением, как в плане осуждения гонителей народа Божьего, так и в плане надежды на спасение верных Божьих. Едва ли мы можем себе представить, что библейские авторы сопоставляют уровень боли душевной и физической, который переживают страдальцы в разные периоды гонений. Их муки не менее «великие», чем те, что переживут мученики перед Пришествием Христа. Что же касается мировых масштабов бедствий (Откр. 3:10; 6:17), то этот фактор не является определяющим в том, следует ли верующим в наши дни с душевным беспокойством сосредотачивать внимание на тяжелых страданиях в тот будущий период и тем более лелеять надежду избежать их. Также полезную мысль высказал Р. Бокэм: вселенский масштаб скорби связан и с вселенской миссией церкви, и, в частности, ее верных свидетелей.^[19] В сознании христианина миссия церкви должна быть преобладающим и позитивным фактором, определяющим отношение к страданиям, когда мы с ними не столкнулись.

^[19] R. Bauckham, "Colossians 1:24 Again: The Apocalyptic Motif," *EQ* 47:3 (1975): 168-170.

Независимо ни от каких возможных спорах о понимании Библии нам нельзя забывать, что книга Откровение — это весть о победе Христа, спасении верных Ему (из всех времен и народов) и об избавлении всего творения от проклятия грехопадения. Скорбь Христа и рабов Его — это всегда указание на конечную победу и обновление миропорядка. Об этом также ярко сказано в Посл. Римлянам 8:17-24, прочтение которого и размышления, о котором с точки зрения данного эссе я, с его позволения, оставляю за читателем.

Скорби, вера и миссия

◆ Абрахам Хешель писал в своей книге «Бог в поисках человека», что главная задача философии в том, чтобы заново осмыслить вопросы, на которые религия дает ответ. И этот поиск должен состояться в двух местах: «сознание человека» и «учение и отношение религиозной традиции».^[20] Нам следует бросить хотя бы краткий взгляд в эти две глубины нашего христианского опыта.

Философии, возникшие в разных культурах, открывают особенности восприятия мира и мышления этих культур. Западная философия во многом строилась на идеях о причинно-следственных связях, «объективном» знании, обоснованной аргументации, строгих критериях и логике. Те, кто были воспитаны в социальных системах, находившихся под влиянием западной философии (в т. ч. и народы с постсоветского пространства), склонны задавать такие вопросы, как «почему», «почему именно я» или «как такое могло случиться». Почему в нашем мире буйствует зло, если Бог добр и всемогущ? И как оно может постичь меня, если я старался жить богоугодно? Разве нет в Писании столь многих обещаний благополучия и процветания тем, кто угождает Богу (Пс. 5:12-13; Прит. 3:33)?

Эти «если» и «то» словно неотъемлемы от нашего мировоззрения. Причина и следствие. А разве можно мыслить без них, без такого понятного порядка? Но грустна ирония в том, что такие вопросы всерьез задаются только в отношении зла и страдания в нашем мире. Они не беспокоят нас, если, случись, мы выиграли в лотерею миллион или когда у нас родился здоровый ребенок. Эти вопросы не терзают христиан, когда они живут в благополучных условиях и не испытывают притеснений за веру. Нет скорби — нет вопросов. Но тогда не существуют и условия для укрепления нашей веры, как нет и побуждения молить Бога о помощи (Прит. 30:9а). И тогда может создаться почва для предпочтения доктринального (диспенсационалистского) эскапизма, включающего стремление избежать страданий, в том числе и «великой скорби». Рассмотрим этот аспект немного подробнее.

В свое время Ф. Ницше (ум. 1900 г.) в своей последней книге «Антихрист» направил атаки на Христа и христианство, базируясь на Гераклите и

^[20] Abraham Joshua Heschel, *God in Search of Man: A Philosophy of Judaism* (N. Y.: Harper Torchbooks, 1955), 3-4.

Платоне, античных греческих философах. В свой век, когда торжествовали еще не проверенные временем, но очень претенциозные побегии либерального «богословия», эволюции, и др., Ницше, приверженец эллинизма, даже не подозревал, что понять Христа и особенно его учеников, евреев, с такой точки зрения крайне затруднительно. Вместо этого он воздал честь Пилату, римлянину, представителю «Запада».

Христиане, разумеется, исповедуют Христа (хотя бывает всякое — Фил. 1:15-16), но бывает, что и они толкуют библейскую веру исходя из неподходящего или даже чуждого полемического контекста. Это искренние мнения, нуждающиеся в перепроверке. Мы можем вспомнить, что, к несчастью, хотя и почти неизбежно, дороги христианства и иудаизма разошлись достаточно рано — во II веке. Кто-то наверняка будет оправдывать это расставание как само собой разумеющееся — в виду того, что большинство иудеев не приняли Христа как своего Мессию. Однако, христианство, критикуя иудаизм, попало под иное влияние во многих аспектах своего мышления, а именно эллинизма. И нужно признать, что греческий менталитет значительно далее отстранен от иудейского. Эскапизм, например, проник в христианство не без участия платонизма и гностицизма, представителей эллинской культуры.^[21] В этих учениях основополагающей выступает идея дуализма, сосуществования двух миров, одного доброго, а другого падшего. И «спасение» представляется как избегание души из земных несовершенных реалий. По оценке ряда историков церкви и богословов, по мере того, как христианство переняло элементы эллинистического мировоззрения, «мессиианские ожидания», унаследованные из иудаизма, преобразовались в «надежды на спасения из греческой мифологии и философии». В этих условиях Иисус превратился в «функционального агента эскапизма», «божественное средство достижения бестелесности», а христианство — в «эскапистский христоплатонизм».^[22] Именно таким рассматривался Иисус в квази-христианском движении гностицизма. Церковь защитилась от гностицизма (спасибо Иринею и другим Отцам), но это не значит, что элементы эллинизма не вытеснили на века и тысячелетия божественные истины, преподанные нам в еврейском контексте.

Многие христиане удивятся, услышав, что подобный распространенный между многими из них взгляд подвергается критическим вопросам. Ведь спасение души в нематериальном вышнем мире и есть желаемое ими спасение. Но стоит лишь вообразить, в какое противоречие впадают христиане, последователи Христа, Мессии, вышедшего из еврейского мыслительного контекста, и Павла: Бог создал нас Его соправителями и «со-работниками» в Его земных делах (Бытие 1 и 2; 1 Кор. 3:9), но, осмысленно или нет, многие закрепили в себе то понимание, что им

^[21] John Harrigan, *The Gospel of Christ Crucified: A Theology of Suffering Before Glory* (Fayetteville, AR: Paroikos, 2015), 109-110.

^[22] См. Harrigan, *The Gospel of Christ Crucified*, 75-77; также Р. Элкорн использует термин «христоплатонизм» в указанном значении (*Небеса* (Чернигов: In Lumine, 2011)).

предстоит покинуть эти земные дела и саму земную сферу и пребывать в неземных сферах. И любопытно то, что именно с этой идеей связано представление об избегании «великой скорби». Разумеется, в христианстве сильны представления о пребывании в «небесах», месте, где Бог. Но, во-первых, попадание и пребывание на небесах не является тем целостным спасением «нового человека» и в «новом небе и новой земле», о котором говорит Библия. А во-вторых, избегание от страданий до «дня победы» Бога и Христа (1 Кор. 15:24-28) — идея скорее искусственная и навязанная богословской диспенсационалистской новеллой, чем учение Христа и Апостолов. Сам Павел, только что описав тот самый «конец», или учреждение Царства Бога, сказал, что, до тех пор, он и его соратники «ежечасно подвергаются бедствиям», а он сам «каждый день умирает» в своем служении евангелия и среди гонений за веру (1 Кор. 15:30-31, 32).

Дж. Андерсон задается справедливым вопросом в своей книге «Каково твое мировоззрение»: «Многие люди страдают сегодня от разрыва между заявленной ими верой и тем, что говорит их жизненный стиль об их настоящих убеждениях, или об отсутствии таковых. Нам стоит задаться вопросом: отражает ли ваша ежедневная жизнь некое иное мировоззрение, чем то, которым по вашим представлениям вы обладаете?»^{123]} Рассудим: с одной стороны, мы знаем, что мир наполнен страданиями, страдали и слуги Божьи во все времена, да и Христос пришел пострадать вместе с нашим миром и, что важнее всего, за наш мир и за человечество. И при этом многие строят будущее церкви, народа Христа, в отрыве от страданий в самый решающий период движения мира к его искуплению.

Есть и другие, условно, не-западные, склады ума, воспитанные в философии и мировосприятии, допускающие парадоксы, сосуществование (кажущихся) противоположностей, неподчинение формальной логике и диалектику. К ним относится и еврейский менталитет. Он важен для нас, разумеется, потому что именно в этом ментальном мире и системе символов и мысли Бог открыл нам себя через пророков, апостолов и Христа.

Вольно или невольно, каждому из нас приходится признать на каком-то этапе жизни, какой менталитет мы предпочитаем. Философия западного образца, во всяком случае ее наследие в нашей современности, может питать наш ум. Но далеко не всегда она способна утешить скорбящих и закалить наш внутренний мир. Порой именно парадоксы — кажущиеся неразрешимыми логически вопросы жизни — созидают наш характер (см. «совершенство» или «полноценность», «зрелость», в Кол. 1:24-29; Иак. 1:2-4), позволяют нам все с большей ясностью отражать в нас образ Божий и подражать Христу и Павлу (Мтф. 20:22-23; Фил. 3:17). Мы не обязательно должны знать причины и следствия, связанные с постигающими нас страданиями. Поиск ответа на вопрос «почему» или «почему

^{123]} James N. Anderson. *What's Your Worldview? An Interactive Approach to Life's Big Questions* (Kindle e-book; Wheaton, IL: Crossway, 2014), n.p.

я» может быть не только тщетным, но и вредным для нашей души. Намного важнее вопрос, к чему ведут нас скорби и испытания!

Кого-то это может удивить, но у христиан есть основания считать Христа философом, во всяком случае в контексте продвижения Его учения Отцами Церкви в их философский век.^[24] Кому-то из нас будет более приемлемым называть Христа «учителем мудрости». Он учил о блаженстве, счастье или, иначе, полноценном характере жизни, в том числе и в условиях притеснений за истину (Мтф. 5 гл.). Так вот, философия Христа и его учеников, хотя она и не призвана быть философской панaceей среди трудных вопросов жизни, дает положительный взгляд на отрицательное явление — страдание.

Дж. Пеннингтон, автор книги «Иисус, великий философ», описывает историю Библии, со Христом в ее кульминации, как «видение возможности глубокого преуспевания (или процветания) даже в условиях неизбежных утрат и страданий». Затем этот автор задает вопрос и предлагает ответ: «Как можно отреагировать на парадокс о счастье посреди страданий? Ответ христианская философия заключается в одном слове: надежда!»^[25] Это вовсе не облегчение от того, что нам удалось избежать страданий! Это — надежда, несомненно, родственная послушанию, терпению, ожиданию, доверию и уверенности в победе, посреди любых обстоятельств.

Именно эти человеческие качества пришлось продемонстрировать Христу — в назидание нам, Его последователям. Он желал избежать страданий в критический час его жизни в Гефсиманском саду (Мтф. 26:39, 42), но не сделал этого (). При этом Он помнил, что Отец не оставит Его на самого себя в его обстоятельствах (Иоан. 8:29).^[26] Он был послушен (Евр. 5:8), «усовершенствовался» в своей миссии и поведении (5:9), был услышан Богом среди страданий за свое благочестие («благоговение», 5:7), и продемонстрировал свою полноту (Кол. 1:19; Евр. 2:9). Подобно нашему Господу и Спасителю, мы призваны ожидать страданий и скорби (Мтф. 24:4-13; Деян 9:16; 1 Пет. 2:21), если таковым надлежит прийти, и заботится скорее о нашем укреплении в перенесении испытаний, нежели об их избегании. Судьба христианина — не избежать страданий, а «претерпеть» их и спастись (Мтф. 24:13).

Взгляд на тот пункт веры, который (искренне, но, вероятно, ошибочно) пытается ободрить церковь мыслью об избегании ею «великой скорби», входит в противоречие с учением Христа и апостолов. Здесь мы касаемся вопроса об «учении и отношении» нашей «религии», к чему, пусть и в

^[24] J. Pennington, *Jesus the Great Philosopher: Rediscovering the Wisdom Needed for the Good Life* (Grand Rapids, MI: Brazos, 2020), 1-17.

^[25] Там же, 213-217.

^[26] Читатель наверняка отреагирует напоминанием о том, что Иисус воскликнул на кресте «Боже Мой, Боже Мой, почему ты оставил меня» (Мтф. 27:46). Однако этот вопль указывает на чувство брошенности в одиночестве среди врагов, подобно тому, что чувствовал в свое время царь Давид (Псалом 21:2). В то же время из Псалма ясно, что Бог не оставил Давида, как бы царь себя не чувствовал (21:20, 25, 30).

своим дискурсом, приглашает нас Хешель (см. выше). Мы уже обращали и еще обратим внимание на то, что церковь призвана повторять судьбу Христа, идти проторенной Им тропой. Христос смирился добровольно и принял страдания (Фил. 2:6-8). К такому же добровольному смирению призваны и мы (2:5). У нас нет причин (помимо вызывающих вопросы диспенсационалистских выкладок) лелеять ту мысль, что церковь избегит скорби до того, пока «день спасения» еще не пришел к своей кульминации и пока еще не настал торжественный момент победы Бога и Христа над мятежным человечеством (1 Кор. 15:24-28). Вплоть до того времени христиане призваны страдать с падшим миром, чтобы разделять его боль и указывать ему в нужный момент на выход из создавшегося положения. Не будем отказываться от нашей миссии и выполним ее по примеру Спасителя!

Заключение

◆ В начале XX века Н. А. Бердяев писал о роли страдания в жизни церкви и христианина. Он критиковал мученичество как идею в Православии, ставшую популярной в ранних веках церкви в силу сложившихся обстоятельств и убеждений на то время. Во многом евангельские верующие могут с ним согласиться по этому вопросу. Мученичество само по себе не является заслугой, занесенной нам в актив ради обретения оправдания и прославления.^[27] Но еще более полезным (несмотря на его критику протестантизма) могут быть его следующие размышления:

Великий подвиг Христа не в том, что Он страдал. Страдают все люди. В самом факте большого страдания никакой заслуги не было и не было бы ничего спасительного для мира. Но Голгофское страдание Христа было победное, божественно-активное; оно вырывало из мира корень страдания, уготовляло воскресение. Христос принял на себя все страдания мира — последствия греха, чтобы победить их в корне, искупить грех и тем сделать зло бессильным над судьбой мира и человека. Вся жизнь Христа есть страдание активное, победное; во всей жизни Его уже открывается воскресение. . . . Страдание христианских святых было активно, а не пассивно: они бросали вызов законам природы, они побеждали самые сильные страдания мира, так как находили источник высшего бытия, перед которым всякое страдание ничтожно. Не страдать как можно больше, а побеждать радостью и предчувствием блаженства даже самые сильные, самые нестерпимые страдания этого мира — вот христианский идеал. . . . Претерпеть до конца и значит завоевать жизнь, не погибнуть от страдания. Христос учит мужественному отношению к жизни и ее мукам.^[28]

^[27] Зачастую такие тексты как Рим. 8:17 в Синодальном переводе (что мы «со-наследники Христу, если только с ним страдаем...») толкуются, чтобы показать, что мученичество есть условия для спасения. Смысл этого текста, более вероятно, таков: мы сонаследники Христу, так как мы с Ним и страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ср. перевод РБО.

^[28] Н. А. Бердяев, *Философия свободы*, Часть вторая, глава V, раздел «Заключение. О страдании и ответственности». — М.: Правда, 1989. — 608 с.

В заключение выскажу ряд коротких комментариев. Усвоение и должная оценка роли скорби в какой-бы то ни было момент нашей жизни, вкупе с восторгом веры от последующей за ней славой (Иоан. 16:3; 17:15, 24; 1 Пет. 1:11б), неизмеримо важнее некоторого места, той кульминационной точки, которую отводит скорби та или иная богословская система. Понимая скорбь пролептически, мы уже соучаствуем в страданиях святых, как будто это одно собирательное событие в истории церкви. Далее, преобразуют жизнь и закаляют характер испытания, а не избегание их. Мы уподобляемся Христу, если нам приходится страдать за Его дело в отведенное нам время. Вдобавок к этому, мы страдаем вместе с миром, чтобы разделять его воздыхания, но при этом свидетельствовать ему о грядущем избавлении, находясь в равных с ним условиях. Скорби и ожидание избавления — неотъемлемая часть нашей миссии. И, наконец, хочется предложить иной перевод греческой фразы, которая обычно переводится как «великая скорбь», а именно — «суровые страдания» или «тяжелые страдания». Это будет способствовать избавлению от стереотипа *кульминационного* события, обозначаемого как «скорбь», и переведет внимание на опыт страданий, понимаемого *пролептически*.

Библиография

- Баракман, Флойд Х. *Практическая христианская теология*. Духовное возрождение, 2002.
- Бердяев, Н. А. *Философия свободы*. Н. д.
- Грудем, Уэйн. *Систематическое богословие*. СПб.: Мирт, 2004.
- Лангхаммер, Иоахим. *Что будет с этим миром?* Евангельская миссия, 1997.
- Райри, Чарльз. *Основы богословия*. Одесса: Христианское просвещение, 2008.
- Эриксон, Миллард. *Христианское богословие*. СПб.: Библия для всех, 2009.
- Янг, Френсис М. *От Никеи до Халкидона. Введение в греческую патристическую литературу и ее исторический контекст*. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013.
- Anderson, James N. *What's Your Worldview? An Interactive Approach to Life's Big Questions*. Kindle e-book. Wheaton, IL: Crossway, 2014.
- Baukham, Richard J. "Colossians 1:24 Again: The Apocalyptic Motif." *The Evangelical Quarterly* 47:3 (1975): 168-170.
- Fairbairn, Donald. "Contemporary Millennial/Tribulational Debates" in *A Case for Historic Premillennialism*, ed. by Graig L. Blomberg and Sung Wook Chung. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2009.
- Harrigan, John P. *The Gospel of Christ Crucified: A Theology of Suffering Before Glory*. Fayetteville, AR: Paroikos, 2015.
- Hauerwas, Stanley. *Approaching the End: Eschatological Reflections on Church, Politics, and Life*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2013.
- Heschel, Abraham Joshua. *God in Search of Man: A Philosophy of Judaism*. N. Y.: Harper Torchbooks, 1955.
- Lewis, C. S. *The Problem of Pain*. HarperCollins e-books. N.d.
- Marmorstein, Ar. "Eschatological Inconsistency in the Ante-Nicene Fathers?" *Andrews University Seminary Studies* 39 (2001): 125-132.
- Pennington, Jonathan T. *Jesus the Great Philosopher: Rediscovering the Wisdom Needed for the Good Life*. Grand Rapids, MI: Brazos, 2020.
- Pitre, B. J. "Apocalypticism and Apocalyptic Teaching." Pages 23-33 in *Dictionary of Jesus and the Gospels*, ed. by Joel B. Green, et al. Downers Grove, IL: IVP, 2013.